

АНАСТАСИЯ
ГРАДЦЕВА

ТЫ МОЙ
худший
ВАРИАНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Градцева

Ты мой худший вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70057783

SelfPub; 2023

Аннотация

Я совершила ужасную ошибку, но внезапно мою вину взял на себя самый наглый и красивый парень нашего колледжа. Зачем ему это нужно? Он ведь до этого дня и не подозревал о моем существовании. – Я не знаю, чем могу за такое расплатиться! У меня же ничего нет. – Нет, – подтверждает Громов, проходясь по мне незаинтересованным взглядом. – Тогда я могу идти? – осторожно спрашиваю я. – Не угадала, – лениво сообщает он. – Пойдешь со мной. – Зачем? – Мне скучно. Будешь меня развлекать. – Я тебе не клоун, – зло отвечаю я. – Но ведь это в твоих интересах, разве нет? – насмешливо приподнимает он бровь. – Или тебе хочется, чтобы все узнали о твоей маленькой тайне?

Содержание

Глава 1. Когда хочется провалиться под землю	4
Глава 2. Когда выбирать не приходится	16
Глава 3. Когда лучше соврать	28
Глава 4. Когда у кого-то на меня свои планы	39
Глава 5. Когда я опять рискую	50
Глава 6. Когда я вступаю в игру	62
Глава 7. Когда мне ломают шаблон	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анастасия Градцева

Ты мой худший вариант

Глава 1. Когда хочется провалиться под землю

– После этой пары все в актовый зал! – выкрикивает секретарь, без стука распахивая дверь нашей аудитории.

Степенный Вадим Семенович давится очередным экономическим термином и возмущенно начинает:

– Голубушка! Вообще-то у нас тут...

– Срочно! – припечатывает она, а потом обводит нашу группу зловещим взглядом. – Присутствие строго обязательно. Под угрозой исключения.

А потом уходит, не закрыв до конца дверь, и мы слышим, как она кричит уже соседней аудитории «Все в актовый зал после этой пары!»

Наши сразу же начинают в голос обсуждать, какая муха укусила сегодня директора, а я сжимаю под партой дрожащие, влажные от пота ладони и молчу.

Потому что я *знаю*.

И теперь мне так страшно, как никогда в жизни.

Остаток лекции проходит словно в тумане, а когда я встаю

из-за парты, у меня так сильно кружится голова, что я запи-
наюсь об свои же ноги и едва не падаю.

– Истомина, смотри, куда прешь!

– Прости, – растерянно говорю я своей однокласснице.

Как же ее зовут? Я не могу вспомнить. В голове ни од-
ной мысли, все перекрывает страх. Первобытный животный
страх такой силы, что я буквально не могу дышать.

На ватных ногах иду вслед за всеми в актовый зал и сажусь
где-то сбоку, на первое попавшееся место.

Вижу маму: она сидит на первом ряду вместе со всеми
преподавателями. Обеспокоенная, как и остальные, но не
слишком.

Ей ведь и в голову не приходит, что к *этому* могу иметь
отношение я.

Я машинально оглядываю зал, и мой взгляд спотыкает-
ся о Захара Громова, который сидит, развалившись на сиде-
нье, с таким видом, будто это он тут главный. Темные волосы
небрежно падают на высокий лоб, на красивом лице играет
самодовольная усмешка, рука приобнимает очередную дев-
чонку, а длинные ноги нагло выставлены в проход, но никто
и слова ему не говорит. Все послушно обходят.

Просто потому что это Громов. С ним никто не связыва-
ется. Даже директор.

Его уже трижды отчисляли и снова восстанавливали, по-
тому что его папа – самый богатый человек в нашем городе,
директор «НикельИнвест».

Я немного завидую Громову.

Его маме не приходится работать на нелюбимой работе только для того, чтобы ее ребенка бесплатно взяли в престижный частный колледж. Ему можно никого не бояться, потому что деньги и связи отца решат все проблемы.

А я... а мне сейчас остается только молиться и убеждать себя в том, что все будет хорошо. Потому что доказательств нет, меня никто не видел.

Не видел же? Правда?

Директор появляется как-то вдруг, и сразу видно, что он просто в ярости. Его толстая шея, втиснутая в воротник белой рубашки, налилась багровым, а тонкие губы сжаты в линию.

– Вчера, – начинает он без всяких предисловий, – произошел вопиющий случай вандализма!

По залу пробегает удивленный ропот, и директор кричит:
– Тихо!

Все замолкают, и он начинает опять. От зловещих ноток в его голосе мне хочется провалиться сквозь землю, выпрыгнуть из окна или выпить яд. Все лучше, чем это медленное ожидание казни.

– Вчера неизвестные пробрались в мой кабинет и устроили там погром. Разбит аквариум, погибли редкие рыбы, безвозвратно испорчены важные документы, мебель, ковер...

Интересно, мне поверят, если я скажу, что не хотела? Рыбок точно не хотела трогать, за это мне стыднее всего.

– Причинен ущерб на сумму...

Когда я слышу цифру, у меня темнеет перед глазами.

Ну не может быть столько! Не из чистого же золота был ковер? И разве аквариум стоит так много? Ну и что, что он был во всю стену?

– Может быть, виновник сам захочет признаться? – спрашивает директор и обводит нас людоедским взглядом.

Все молчат. Я молчу тоже.

– Понятно, – тянет он. – Что ж, если не хотите по-хорошему, уважаемые студенты, значит, будет по-плохому. Камеры в коридоре у нас временно не работают, и, похоже, злоумышленник был об этом осведомлён, но камера в главном холле зафиксировала всех, кто выходил из колледжа после семи вечера, когда секретарь ушла и закрыла мой кабинет. Это всего лишь пять студентов. Начнем по порядку, да?

В ушах у меня тоненько, противно звенит.

Если узнают, что это была я, меня отчислят. А маму выгонят с работы. Она мне этого никогда не простит. Не говоря уже о том, что нам придется оплатить причинённый ущерб, а его там больше трехсот тысяч. А у нас даже нет столько денег. И взять их неоткуда.

– Виолетта Беркович!

Высокая третьекурсница в очках и дорогом пиджаке от Шанель подскакивает так, словно внутри нее распрямилась пружина.

– Я была в библиотеке, это можно проверить, – бормочет

она испуганно. – Честное слово! Готовилась к курсовой...

– Мы проверим. Пока можете быть свободны, – кивает директор, и Беркович облегченно опускается на свое место.

Я ругаю себя, что не догадалась зайти в библиотеку до того, как лезть в кабинет. А после... после я вообще ни о чем не могла думать, потому что убегала в таком шоке и ужасе, что непонятно, как вообще умудрилась закрыть за собой дверь и не выронить по дороге ключ.

– Захар Громов.

– Ну.

– Встаньте, Громов.

Захар лениво встает и нагло улыбается директору. У него чуть выдаются вперед клыки, делая улыбку хищной и опасной. У меня от нее всегда мурашки, даже сейчас, когда я должна думать совсем о другом.

– Где вы были вчера вечером и почему так поздно вышли из колледжа?

– Это вопрос? – растягивая гласные, интересуется он. – Мне позвонить папиному адвокату?

– Я просто спрашиваю, Захар, – сбавляет обороты директор. – Что вы делали вчера вечером в колледже, когда все занятия уже кончились?

– Имел интимную связь с девушкой, – ухмыляется Громов, и по залу проносится наполовину возмущенный, наполовину восхищенный гул. Он такой наглый, что это не может не впечатлять. – Имя называть не буду. Тайна личной жизни,

сами понимаете.

– Это ты был в моем кабинете? – зло спрашивает директор, резко переходя на «ты». – Я ведь все равно узнаю, Захар!

– Значит, все же зовем адвоката? – иронично приподняв темную бровь, интересуется он.

Он весел, ему не страшно, в этот раз он действительно ничего не делал.

– Ладно, садитесь, – бормочет директор и снова смотрит в список. – Лия Истомина!

Я поднимаюсь на негнувшихся ногах. Уши заложило, словно я нырнула на глубину, и ничего не слышно, только видно, как директор смешно шевелит губами.

Сглатываю, и звук появляется так резко, словно кто-то нажал кнопку.

– Почему вы молчите, Истомина? Я, кажется, задал вам вопрос!

– Я ничего не делала, – бормочу я еле слышно.

– Почему вы так поздно вышли из колледжа?

– Я... я...

Глаза наливаются слезами: я не умею врать. Но и сказать правду сейчас выше моих сил – это как собственными руками затянуть себе петлю на шее.

Директор хмурится. Директор, кажется, начинает что-то подозревать.

Все зал пялится на меня с нездоровым любопытством, а в сторону мамы я даже боюсь смотреть. Это конец. Это хуже

смерти.

И во всем этом ужасе я вдруг замечаю взгляд Громова, который смотрит на меня с холодным интересом. У него красивые глаза, я это давно знаю. Зелено-карие омуты с длинными темными ресницами.

Ему любопытно. Он выглядит, как ученый в лаборатории, спокойно наблюдающий за мучениями мыши в лабиринте, из которого ей никогда не выбраться.

Я сглатываю, смотрю на директора и пытаюсь найти слова. Убедительные слова, которым поверят. Но в голове пусто и гулко. Там только страх.

– Понимаете, я... Вчера...

И тут меня внезапно перебивает Громов, который встает и лениво цедит своим высокомерным королевским тоном:

– Ну и кринж! Вы че, серьезно будете сейчас с каждым разводить эту хрень? Где был и что делал? Окей, так и быть, сэкономлю вам время. Это был я. Мне было скучно, и я отлично развлекся. Наличкой оплатить ущерб или вы карты принимаете?

Внимание всего зала мгновенно переходит на Громова, а про меня все тут же забывают. Но я все равно продолжаю стоять и чего-то ждать. Я все еще не верю, что спаслась. Пульс шарашит так, что дышать трудно.

– Я так и знал! – цедит директор, глядя на Громова с плохо скрываемой ненавистью. – Ко мне в приемную, прямо сейчас! И не надейтесь, что на этот раз вам все сойдет с рук так

просто. Ваш отец в этом году дал мне очень конкретные указания. Вам ясно?

– В целом да, – он не выглядит ни испуганным, ни растерянным. А потом демонстративно зевает: – Ничего нового.

– В приемную, Громов. Быстро! Остальные свободны.

Звук у всей толпы тут же словно выкручивают на полную мощность, и гул стоит как в пчелином улье. Все расходятся и громко обсуждают произошедшее, а я все еще стою столбом.

Захар Громов взял мою вину на себя? И собирается оплатить всю космическую сумму причиненного мной ущерба? Я не сплю?

Кажется, нет. Но зачем ему это нужно?! Уверена, до сегодняшнего дня он даже не подозревал о моем существовании.

Может, это какой-то хитрый план и он меня сдаст потом директору? Или потребует взамен все мои внутренние органы?

Я не понимаю. Я ничего не понимаю!

Меня толкает какая-то девушка, чтобы я освободила ей проход, я растерянно отступаю в сторону и ловлю успокаивающую мамину улыбку. Интересно, мама успела испугаться? Подумала хоть на секунду, что это я виновата? Я – ее хорошая девочка, ее умница, ее радость, самая тихая и самая старательная студентка курса, хотя только мои бессонные ночи знают, какими усилиями даются мне эти пятерки...

Меня все еще трясет, когда я выхожу из актового зала и иду куда-то по коридору. Сама не понимаю куда.

– Эй, Истомина, ты чего так пересралась? – почти дружелюбно спрашивает Элина Вишневская из моей группы, догоняя меня и выравнивая со мной шаг. – Мы думали, ты там в обморок хлопнешься.

– Просто, – выдавливаю я из себя. – Перенервничала...

Элина красиво смеется, показывая идеально ровные зубы, а потом хлопает длинными кукольными ресницами. Они слишком большие для ее лица, и все мои знания, полученные в свое время в художке, протестуют против того, чтобы считать это красивым. Красиво то, что гармонично, а здесь грубое нарушение пропорций. Вот у Громова, например, ресницы идеальной длины...

– Так, Истомина, ты конспекты сегодня писала на первой паре? – требовательно спрашивает Вишневская, наконец переходя к основной своей цели. Ну правда, не поболтать же она ко мне подходила. – Дашь сфотать.

Последняя фраза по идее должна звучать как вопрос, но звучит как утверждение, потому что не предполагает отказа. Это привычное дело – взять у меня конспект или переписать мою домашку. Не только Вишневская так делает, но и многие из моей группы.

И, честно говоря, я даже рада этому. Когда я пришла на первый курс, то жутко боялась, что меня там будут травить или унижать – уж слишком сильно я отличалась от контингента нашего колледжа. Но, видимо, статус дочери завуча защитил меня от буллинга. Только это, конечно же, не означа-

ло, что кто-то из группы стал со мной дружить. В основном они просто не замечали меня, кроме тех моментов, когда кому-то из них вдруг нужны были конспекты. Не самый плохой вариант, если так подумать.

– Не помню, писала я или нет, – бормочу я, потому что все, что было на первой паре, покрыто для меня туманом. Но послушно лезу в сумку, достаю тетрадь и... надо же! Вся лекция записана четким аккуратным почерком. Наверное, мой мозг и рука просто работали на автопилоте. Отдаю тетрадь Истоминой, которая сразу же теряет ко мне интерес, бросает небрежно:

– После большой перемены отдам, – и идет к аудитории А9.

Я с запозданием соображаю, что именно там у нас по расписанию будет сейчас управление персоналом, и послушно плетусь туда же.

Управление персоналом, информационный менеджмент, физкультура – и можно будет спокойно идти домой. Но это при хорошем раскладе, если бы сегодня был такой день, как обычно.

А это не так.

Я машинально отсиживаю пару, делаю вид, что внимательно слушаю преподавателя, а сама пытаюсь понять, что теперь делать.

Надо подойти к Грозову и поблагодарить его? Нет, это страшно.

Надо пойти к директору и честно во всем признаться? Нет, это еще страшнее и грозит последствиями, с которыми я не справлюсь.

Может, просто написать Громову и спросить, зачем он это сделал? Да, наверное, так лучше всего. Безопаснее. Не придется, задрав голову, смотреть в эти наглые зеленые глаза и видеть ухмылку, от которой у меня каждый раз озноб по коже. Каждый раз. С первого курса. То есть уже полтора года...

Пусть он меня и не замечал ни разу, но я-то его видела. Такого, как Громов, невозможно не увидеть.

Да, написать ему – это хорошая мысль. Осталось только найти у кого-то его номер телефона.

Заканчивается пара, я выхожу из аудитории и даже взвизгнуть не успеваю, как меня кто-то хватает за руку. Миг, и я уже спиной прижата к стене, с обеих сторон мне преграждают путь крепкие рельефные руки, а сверху вниз на меня смотрят зеленые глаза. Все с тем же прохладным любопытством.

– Ну привет, кукла, – тянет лениво низкий голос. – Ничего не хочешь мне рассказать, м?

Я замираю, как загнанный зверек, которому уже некуда бежать.

Номер телефона можно не искать – Громов сам нашел меня.

Кажется, обед мне не светит. И физкультуру тоже прогулять придется.

Но похоже, это не самое страшное из того, что меня сегодня ожидает.

Глава 2. Когда выбирать не приходится

– Ч-что я должна вам рассказать? – лепечу я. – Я не понимаю, простите.

И хотя прекрасно знаю, что от меня нужно Громову, инстинкт самосохранения заставляет меня прикидываться дуручкой.

Ну а вдруг поверит?

У него ведь нет доказательств, что это сделала именно я.

Но Громов, к сожалению, не идиот. Он хищно ухмыляется, а потом вдруг приближает свои губы к моему уху и опасно шепчет:

– Это ты устроила погром, кукла. И не ври мне, я ведь могу и передумать тебя прикрывать.

Меня опять начинает трясти. Не то от новой волны страха, не то от чужого горячего дыхания на шее и терпкого мужского запаха. Никогда не стояла так близко к парню, и меня это смущает и пугает одновременно. Тем более, что это не просто какой-то парень. Это Захар Громов.

Которому что-то от меня нужно.

Я зажмуриваюсь, потому что не могу больше видеть этот полный холодного интереса взгляд, и еле слышно шепчу:

– Здесь?

– Что здесь? – хмыкает он.

Судя по голосу, его реально забавляет вся эта ситуация.

– Вы хотите... чтобы я прямо здесь... рассказала?

Хрипловатый смех заставляет меня открыть глаза.

– А что? – ухмыляется он.

Я замираю, потому что слышу в коридоре голоса. Густой голос Вадима Семеновича узнаю сразу, ему вторит высокий неприятный смех Магды Валерьевны. А еще там голос... моей мамы.

Ужас пробегает по позвоночнику ледяными мурашками.

Чертов Громов, нашел, где до меня докопаться! В коридоре! Во время большой перемены! Они же сейчас все услышат!

– Что молчишь? Стыднелся, кукла? – продолжает он, совершенно игнорируя голоса за спиной. – А когда к старому мудаку в кабинет лезла, не стыднел...

– Заткнись! – отчаянно выкрикиваю я и вдруг делаю то, чего от себя в жизни не ожидала бы: молниеносно запечатываю рот Громова своей ладошкой.

И да, это, конечно же, не может не привлечь внимание преподавателей, даже если до этого они меня не видели: широкая спина Громова надежно загораживала им обзор.

Но теперь мы под прицелом преподавательских взглядов.

– Что тут происходит, молодые люди? – недовольно спрашивает Вадим Семенович. – Я...

– Лия! – тут же перебивает его мама, и ее голос звучит

очень строго. По-учительски. – Что ты тут делаешь?

Громов стоит, даже не пытаясь убрать мою ладонь со своего рта, и всем своим видом демонстрирует абсолютную безмятежность. В зеленых глазах пляшут веселые искры.

– Простите, – я молниеносно отдергиваю руку от его лица, как будто от горячего чайника. – Просто он... он... говорил плохие слова! Да!

Громов тут же непочтительно фыркает. Кажется, его реально это забавляет.

– Плохие слова? – недоуменно переспрашивает мама.

– Да! Такое нельзя говорить в колледже, и я решила...

Я не договариваю, краснею и умолкаю, потому что звучит это все как полный бред, конечно.

– Истомина, но даже если так, – пафосно вступает в разговор Магда Валерьевна. – Вместо того, чтобы корректно сделать замечание, вы стали по-хамски кричать. Вас разве не учили родители, что недостойно на грубость отвечать грубостью? Тем более в стенах колледжа.

У моей мамы вспыхивает лицо, а на лице Магды появляется мерзкая улыбочка. Она явно не случайно сделала этот выпад. Старая стерва!

– Простите, – бормочу я. – Я все поняла и больше так не буду.

– А вы Громов? – нравоучительно обращается к нему Вадим Семенович.

– А я буду, – небрежно пожимает он плечами.

Типа ну и что вы мне сделаете?

Преподаватели хмурятся, но ничего не говорят. Просто делают вид, что инцидент исчерпан, и идут дальше – к лестнице, которая ведет вниз, на цокольный этаж, где у нас расположена столовая. И только мама в какой-то момент оборачивается и одними губами сообщает мне «Дома поговорим». Будь это в любой другой день, я бы точно мучалась предчувствием этого вечернего разговора, потому что мама умеет отчитывать так, что чувствуешь себя ужасно. Но сейчас я совсем про это не думаю: у меня есть другие поводы для волнения.

Едва стихают голоса преподавателей, как Громов кривит в усмешке губы и внимательно смотрит на меня:

– Хера себе ты наглая. А по виду и не скажешь! Боевой воробей.

– Я не хотела... Правда.

– Ладно, пошли в машину, – вдруг решает он. – Тут и правда дохрена народу.

– Зачем в машину? – пугаюсь я и судорожно оглядываюсь.

Как назло, мы сейчас на четвертом этаже, где почти нет учебных аудиторий, и поэтому в коридоре пусто.

– Что ты дёргаешься так? – хмыкает он. – Расслабься, кукла. Просто поговорим. Ты мне задолжала пару ответов.

– Никуда я с тобой не пойду!

– Поспорим? – приподнимает бровь Громов, и я сначала воинственно вскидываю подбородок, а потом мои плечи об-

мякают и я послушно киваю.

Конечно, я пойду с ним. Ну какой у меня выбор?

Он бесцеремонно хватает меня за запястье, словно подзревает, что я способна на коварный побег, и буквально тащит за собой на буксире в сторону выхода. Нам нужно преодолеть три лестничных пролета и вестибюль. А потом еще крыльцо и парковку.

Было бы здорово, если бы мы по пути никого не встретили, но... Но это большая перемена, и на Громова, который волочит за собой далеко не самую популярную студентку, не обращает внимания только ленивый.

Кто-то провожает нас неприятными ухмылками и отвратительными шуточками, а кто-то окликает Громова и спрашивает, за каким хером я ему сдалась. Но он всем отвечает одно и то же:

– Надо.

И вроде делает это с улыбкой, но как-то так, что никаких вопросов дальше не следует.

– Садись.

Громов распахивает дверь своей сверкающей белой машины – понятия не имею, что это за марка, я в них абсолютно не разбираюсь – и вталкивает меня на переднее сиденье. Я неуклюже стучаюсь коленкой об дверцу, когда туда лезу, а едва сажусь, как синтетическая ткань юбки начинает предательски скользить по кожаному сиденью и я едва не съезжаю вниз.

Это все так унижительно. Все же, если ты не создан для дорогих машин, то и нечего туда лезть.

К счастью, после неловких трепыханий я все же как-то умудряюсь там сесть, сжавшись в комочек и обхватив обеими руками свою сумку.

Громов уже сидит на месте водителя и расслаблен так, будто он сейчас у себя дома на диване.

– Что ты делала в кабинете этого мудилы? – спрашивает он с явным любопытством. – Давай, жги. Во всех подробностях! Мне интересно!

Я молчу.

Какое-то время Громов тоже молчит, но очень быстро терпение.

– Кукла, не спи, – подбадривает он меня. – Я жду.

Его голос звучит достаточно дружелюбно, и я вдруг ведушь на это. Допускаю мысль о том, что он мог мне просто посочувствовать.

– Пожалуйста, можно... можно я не буду говорить? – отчаянно выдыхаю я. – Я не хочу про это все вспоминать!

– Можно, – его тон меняется так неожиданно, что я вздрагиваю. Теперь он холодный, резкий и повелительный. – Тогда раздевайся.

– Что?!

Мне кажется, я ослышалась.

– Раздевайся, – повторяет он с нажимом.

– Вы...ты... серьезно? – еле слышно шепчу я и еще силь-

нее сжимаю свою сумку, будто она сейчас может меня как-то защитить.

– Похоже, что я шучу?

Непохоже. У Громова сжаты челюсти и взгляд такой, что им можно резать стекло.

– Зачем? – я пытаюсь совладать с дрожащим голосом. – Зачем тебе это?

Я точно не отношусь к тому типу девушек, который может нравиться Захару Громову: за полтора года учебы здесь я успела изучить его вкусы. Не то чтобы я как-то специально за ним следила, но когда идешь по коридору, а Громов пихает язык в рот очередной брюнетке модельной внешности, сложно не обратить на это внимание. Да, он почему-то приближал к себе только темноволосых девушек, и Вишневская говорила, что Ева с третьего курса бегала за Громовым полгода, но пока она не перекрасилась из блондинки в брюнетку, у них ничего не было. Зато потом он трахнул ее в туалете – ну это опять же по словам Вишневской. Не знаю, насколько ей можно верить.

– Зачем мне это? – он тянет это таким тоном, будто вопрос абсолютно идиотский, а я – непроходимая дура. – Так. Послушай меня. Как там тебя? Лена?

– Лия.

– Неважно. Ты накосячила, я тебя прикрыл.

– Я тебя не просила!

– Я тебя прикрыл, – повторяет Громов. – Пошел с этим

старым мудаком, выслушивал херню, которую он нес, обещал быть хорошим мальчиком и плюс остался ему должен.

– Денег? – это слово царапает мне горло.

– Услугу, – коротко хмыкает он. – Так вот, кукла, будет честно, если после всей этой фигни ты в качестве благодарности меня хотя бы развлечешь. Или историей про то, почему такая хорошая девочка, как ты, залезла в чужой кабинет, или своим стриптизом прямо тут, на парковке.

– Но тут же везде люди! И стекло... прозрачное!

– Ага, на то и расчет, – он удобно закидывает руки за голову и откидывается на спинку сиденья. Готовится смотреть. – Вряд ли у тебя под одеждой прячется что-то интересное, а так, со зрителями, будет хотя бы забавно. Выбор за тобой, Лейла.

– Лия! – я пытаюсь отстоять хотя бы остатки самоуважения, но получается плохо.

В сознании мелькает крохотная мысль о том, что я бы, может, и рискнула раздеться, будь мы совсем-совсем наедине и никто, кроме Громова, не смог бы меня увидеть. Я ловлю эту мерзкую мысль, прихожу от нее в ужас и быстро выпаливаю.

– Я расскажу!

– Ну вот. Сразу бы так, – тепло и обаятельно улыбается Громов, но я уже не обманываюсь его харизмой. Он расчетливая сволочь. И то, что он такой красивый, делает все только хуже.

Он лениво отбрасывает темные волосы со лба, и я замечаю

то, что раньше не видела, потому что никогда не находилась к нему так близко: пирсинг на правом ухе в виде крохотного серебряного дракона. Необычно. Ему идет.

Ему все идёт.

– Я не собиралась причинять...ущерб, – говорю я, пристально разглядывая трещины и потертости на ручке своей сумки. – Это несчастный случай. Я просто хотела его напугать, ничего больше. Поэтому дождалась, пока уйдет секретарь, и...

– А ключ у тебя откуда?

– У мамы взяла неделю назад и сделала дубликат, – признаюсь я, и мне стыдно. Правда, стыдно. – Она же завуч, и у нее есть от приемной ключи. А сам кабинет секретарша обычно не запирает, я видела, когда заходила к ней.

– А ты продуманная преступница, – с одобрением кивает Громов. – И что дальше?

– Я зашла в приемную, закрыла за собой дверь, пошла в кабинет директора, а там оказалось ужасно темно. И у меня не получилось сделать то, что я хотела.

Да, все из-за этой темноты. Я не ожидала, что там будут такие плотные ставни на окнах. Даже приоткрытой двери кабинета не хватало, чтобы нормально все разглядеть. Тем более, что в приемной я тоже свет не включала – боялась, что заметят.

– А что ты хотела сделать?

Короткий выдох. Придется признаться, да?

– Я хотела подложить ему огромных тараканов, – бормочу я. – В ту коробочку, из которой он постоянно жрет свои леденцы.

В кабинете у директора я была два раза. Один раз потому, что он не мог найти мою маму, и вызвал почему-то меня, а другой – когда он угрожал мне отчислением за то, что у меня была пересдача по истории экономических учений. В тот раз на пересдачу пошла вся группа, потому что преподаватель поймала двоих на списывании. Но отчислением угрожали только мне. Я тогда с перепугу сдала на высший балл. Одна со всего потока.

До сих пор помню мерзкий хруст этих круглых леденцов, которые он во время разговора закидывал себе в рот, и этот химический запах лимона.

Тараканы бы ему ничем не угрожали. Но очень хотелось, чтобы директор хотя бы на мгновение испытал ужас, гадливость и беспомощность. Чтобы на мгновение ощутил себя не хозяином положения, а жертвой.

– Вау! Охереть, ну у тебя и фантазия, – почти восхищенно присвистывает Громов. – И как? Получилось?

– Если бы получилось, я бы тут не сидела, – бледно улыбаюсь я. – Было темно, я запнулась...

И дальше все было как в плохом фильме. Коробка с купленными в зоомагазине тараканами вылетела у меня из рук, я наклонилась за ней, но крышка от удара слетела и мои пальцы вместо картона коснулись этих мерзких хитиновых спи-

нок. Я дернулась, подскочила, наткнулась на кресло, оно поехало куда-то в сторону, раздался почему-то металлический звон, затем звук бьющегося стекла и...

– А потом я просто убежала, – договариваю я, все еще не решаясь поднять глаза на Громова. – У меня все ботинки были мокрые, хорошо, что на камере это не заметили. Никогда не думала, что можно креслом разбить аквариум, там же такое прочное стекло.

– Не креслом, – лениво поправляет он. – Там в кабинете стояли металлические стойки для новых колонок в актовом зал. И ты их, походу, толкнула креслом. Выбила страйк как в боулинге! Одним ударом пиздец и рыбам, и аквариуму. Зачетно. Похоже, ты не такая уж серая мышь, какой прикидываешься, Лаура.

– Лия.

Громов довольно ухмыляется. Я не верю, что у него проблемы с памятью, просто ему нравится так надо мной издеваться.

Интересно, я достаточно его развлекла, чтобы он не стал спрашивать, зачем я вообще решила мстить директору? Кажется, да.

У Громова вдруг пиликает сообщением телефон. Он берет его, быстро смотрит на экран и убирает обратно в карман.

– Ладно, на первый раз достаточно, – говорит он мне деловито. – Пристегнись, отвезу тебя домой.

– Не надо! Спасибо! Я лучше сама доберусь.

– Если бы я хотел знать твое мнение, я бы его спросил, – скалится Громов. – Адрес, кукла. И давай побыстрее. Думаешь, у меня нет других дел кроме тебя?

Я медленно выдыхаю, пытаюсь не закричать, и называю наш домашний адрес.

И уже у подъезда, смотря вслед белой спортивной машине, я вдруг осознаю две вещи.

Первое – моя куртка так и осталась висеть в гардеробе колледжа.

И второе – Громов теперь единственный, кто знает в подробностях всю историю.

Где гарантии, что он этим не воспользуется?

Глава 3. Когда лучше соврать

Хлопает входная дверь.

– Лия! Я пришла! – в мамином голосе звенит металл, а значит разбор полетов будет не после ужина, а прямо сейчас.

Терпеть этого не могу.

Мое настроение опускается еще ниже и практически пробивает дно, но я стараюсь не показывать этого, принимаю максимально веселый и беззаботный вид и иду в коридор.

– Привет, – говорю я, и мама тут же демонстративно сует мне пухлый пакет.

– Твоя куртка. Номерок принесешь завтра, я договори-
лась.

– О, супер! Спасибо, что забрала, мам.

– Не за что. Но ты меня очень удивила, Лия. Как можно было забыть куртку? В марте! Да что вообще с тобой?

Блин, когда я звонила маме и просила ее забежать в гардероб, это казалось самым удобным решением проблемы. А сейчас я запоздало понимаю, что лучше бы сама смоталась за курткой в колледж. Меньше было бы поводов для вопросов.

Черт, моя жизнь последние два дня – это сплошное «лучше бы я». И непохоже, чтобы дальше стало легче.

– Было тепло днем, и я просто забыла, что в куртке пришла, – не очень убедительно объясняю я.

По взгляду вижу, что мама мне вполне ожидаемо не верит,

но, видимо, решает, что это сейчас не так существенно. Есть проблемы и посерьезнее.

– Что ты делала рядом с Захаром Грозовым? – продолжает она допрос, снимая сапоги и аккуратно ставя их на полку для обуви. Потом мельком смотрится в зеркало, поправляя растрепанные от ветра светлые волосы.

Я молчу и вместо того, чтобы отвечать, наблюдаю за мамой. Она красивая. Очень красивая. Даже в самой простой одежде. Когда я была маленькой, то ужасно гордилась тем, что моя мама похожа на принцессу. А вот сейчас думаю, что будь она как все остальные мамы, нам с ней жилось бы намного проще.

Мама с детства твердила мне, что красота для девочки – это проблема. И что гораздо лучше быть умной, чем внешне привлекательной. Ну что тут скажешь? Мне природа не отсыпала ни того, ни другого. В школе я не блистала в учебе плюс считалась самой страшной в классе, потому что имела полный подростковый комплект из прыщей, очков и брекетов. И вдобавок ко всему этому у меня была грудь, которая начала расти раньше, чем у всех остальных девчонок, а к старшим классам вымахала в солидную четвёрку. И это было ужасно! Постоянные насмешки от одноклассников «у Истоминой дойки как у коровы» и бесконечное унижение на уроке физкультуры, потому что обтянутая спортивная футболкой грудь привлекала всеобщее внимание, особенно когда весело подпрыгивала при беге и прыжках – в общем, сплош-

ной кошмар.

Именно поэтому я была невероятно рада, что школа кончилась, а еще больше радовалась снятым брекетам и линзам, заменившим очки. Прыщи вообще прошли как-то незаметно, просто в какой-то момент я поняла, что их нет, и все. И вроде ничего мне не мешало теперь чувствовать себя если не красавицей, то хотя бы не уродиной, но у меня не получалось. Может, если бы я поступила на худграф, как изначально мечтала, то там удалось бы начать новую жизнь: перекраситься в розовый, носить необычные вещи, улыбаться и флиртовать, но здесь, в этом колледже, где я и так была белой вороной, такое поведение было бы равносильно самоубийству. И я решила, что лучше не привлекать к себе лишнего внимания. Поэтому я по-прежнему не красилась, собирала свои светлые, как у мамы, волосы в удобный пучок на затылке и носила широкие пиджаки, которые очень удачно скрадывали мою грудь.

Лучше быть незаметной, лучше быть никакой – это спасает от многих неприятностей.

Но, как сегодня выяснилось, не от всех.

Я все равно умудрилась влипнуть.

– Лия. Я жду ответа! – напоминает мама, строго прищурившись.

– Ответа? – растерянно спрашиваю я, потому что слишком глубоко ушла в свои мысли.

– Что ты делала возле Громова?

– Ничего, мам. Честное слово! Просто случайно так получилось! Он шел мимо меня, сказал что-то нецензурное, я сделала ему замечание, а рядом оказались вы и вышло... не очень хорошо. Прости, я не хотела! Правда, не хотела!

– Лия... – мама вздыхает, идет в зал и устало опускается на диван. Я плетусь за ней следом. – Родная, ну ты же понимаешь, что не должна допускать такие вещи. То, что другим простят, тебе может грозить отчислением.

Черт. Лучше бы она ругала меня, чем говорить со мной вот так искренне, вот так на равных... Это ранит гораздо сильнее.

– Я понимаю, мам.

– Постарайся, пожалуйста, родная. Тебе надо доучиться в колледже. Это престижная специальность, этот диплом копируется в нашем городе, плюс на четвертом курсе у вас будут стажировки в хороших фирмах, куда потом тебя могут взять. Я знаю, что тебе непросто сейчас, но я...

Мама замолкает и не договаривает фразу, но мы обе прекрасно знаем, что она имеет в виду.

«Я хочу для тебя лучшей жизни»

«Я не смогу сама оплатить тебе образование такого уровня»

«Я продолжаю работать в этом колледже, несмотря ни на что, чтобы ты могла учиться тут бесплатно».

– Ты уверена, что оно того стоит? – тихо говорю я. – Ты можешь уволиться, а я могла бы в сентябре поступить на худ-

граф, например.

– Еще одно бесполезное образование в нашей семье? – хмурится мама. – Спасибо, не надо. Достаточно и того, что я закончила культурологию. Очень жаль, что мои родители в свое время меня от этого не отговорили. Так что давай постараемся доучиться здесь, Лия. Не подведи меня, ладно?

Я молча киваю.

В груди все тянет и болит от чувства вины. Я ее *уже* подвела, просто мама об этом пока не знает.

– И умоляю тебя, Лия, обходи стороной этого Громова. Сама знаешь, какая у него репутация и какие nepотpeбствa он творит. Вандализм в директорском кабинете! Можешь себе такое представить? Дай бог, он в этом году наконец выпустится и мы забудем его как страшный сон.

Ох мама! Я была бы рада обходить его стороной. Но, боюсь, это сейчас не от меня зависит.

Я снова киваю, поворачиваюсь, чтобы пойти в свою комнату, но вдруг в спину мне летит финальный вопрос, как добивающий удар.

– Лия, а что ты так поздно вчера в колледже делала? Ты же понимаешь, что едва не попала под подозрение. Я даже испугалась немного.

– В библиотеке была, мам, – ровным голосом говорю я, старательно контролируя интонацию. – Просто так разволновалась, что не смогла этого сказать.

– Я так и подумала.

– Ага. Ладно, я пойду, мне еще домашку доделать надо.

– Конечно, иди-иди.

В жизни столько не врала, как сегодня. И, кажется, у меня даже начинает получаться.

Я закрываю дверь своей комнаты и достаю из ящика стола... нет, не тетради с лекциями, а свой скетчбук. Мне надо успокоиться, а самый лучший способ для этого – нарисовать очередную серию моего фэнтезийного комикса. Он прекрасно отвлекает меня от реальности. А то, что главный герой этой истории – темноволосый и зеленоглазый маг с хищной улыбкой, так это просто совпадение. Не более того.

Я прикидываю расположение панелей на этой странице, решаю, что четыре рамки как раз подойдут: два небольших кадра рядом друг с другом и два длинных прямоугольных под ними, – а потом начинаю схематично набрасывать картинки. На первой будет испепеляющий взгляд мага и нахмуренная бровь, на второй красивая мужская ладонь с огненным шаром, а ниже пылающие големы и вид на башню, где другой магический клан держит эльфийку – его подругу.

Я довожу до ума все линии, решаю, что цвет добавлю в следующий раз, фоткаю страницу и отправляю ее в наш с девчонками чат, который с легкой руки Тани называется «реф, скетч и рок-н-ролл». Реакции идут практически сразу.

Танюшка: *огонь женищина! ты просто богиня:))) вот бы кто издал твой комикс я бы сразу купила :)))*

Анна: *мне нравится. Лия, только проверь пропорции на нижнем рисунке, там как будто рука больше чем надо. Или ты так и хотела?*

Смотрю внимательно на свой рисунок, чертыхаюсь, беру клячку – специальный ластик, похожий на тесто – и подтираю линии руки. Да, Аня права: ее действительно надо сделать поменьше, чтобы все гармонично смотрелось.

Я терпеть не могу критику своих рисунков, но Аня – единственный человек, от которого я готова принять ее с благодарностью, потому что она – гений. Вот правда. Так, как она рисует, не умеет никто из моих знакомых.

Мы познакомились с ней и Таней на одном из пленэров, когда целый день на жаре рисовали статуи и фонтаны. Мы все трое были из разных классов художественной школы, но случайно сели рядом, потому что выбрали одинаковый ракурс. Единственный, в котором эта дурацкая статуя смотрелась хоть немного поинтереснее. Наверное, мы бы так никогда и не заговорили друг с другом, но любопытная Таняглянула через плечо на Анин рисунок, восхищенно ахнула и... случайно смахнула рукой стаканчик с водой. Попало и на Аню, и на меня. Пока Таня извинялась, а мы махали руками и говорили «ничего страшного», как-то само собой так получилось, что мы разговорились. И на следующий день пленэра сели вместе уже специально. В художке у нас не совпадали дни занятий и общаться не удавалось, поэтому мы и за-

вели этот чат.

Это было... о, ничего себе – целых три года назад!

Не могу сказать, что мы обсуждаем с девчонками что-то очень личное и что мы суперблизкие подруги, но именно им я позавчера рассказала, что собираюсь залезть в кабинет к директору. Просто потому, что больше некому было. Таня поржала и пожелала удачи, Аня выразила сдержанное недоумение, но в целом они меня скорее поддержали. Вот только про то, чем все это обернулось, я им так и не сказала.

Лия: спасибо, Ань, поправила. Таня, ты меня слишком хвалишь!

Танюшка: тебе полезно))) слушай а что там с директором? получилось его разыграть? ты же сегодня собиралась к нему в кабинет лезть? или вчера? что-то я запуталась)))

Я замираю над экраном. Очень хочется хоть кому-то пожаловаться на все, что со мной происходит, но... Но как будто меня что-то сдерживает. С одной стороны, не хочу перекладывать на девочек свои проблемы, у них и без этого сложностей хватает: Таня никуда не поступила, работает помощником флориста и ужасно устает, Аня хочет уехать в Лондонский университет искусств и занимается с каким-то строгим профессором, который ею постоянно недоволен. Куда им еще мои проблемы?

А во-вторых, не хочу рассказывать им про Громова. По-

тому что... ну просто не хочу и все.

Лия: *не получилось залезть :(и в общем я передумала, девочки, это изначально была плохая идея*

Танюшка: *ну блиииииин!!!!*

Анна: *Вот и правильно!*

Дальше разговор переходит на другие темы. Таня хвастается букетом, который она собрала сегодня утром, а Аня скидывает в чат свою новую работу – невероятные наброски римского легионера, где в каждой черте красивого лица сквозит сила и жестокость. Это так офигенно, что я даже делаю себе скрин, а то Аня потом психанет и все поудаляет, как всегда, а я бы еще хотела полюбоваться этим рисунком.

Наверное, если бы я была такой способной, как она, я бы отстояла свое право идти на худграф, но мои комиксы и рядом не стояли с Аниными портретами. Так что мама, наверное, права. Лучше я получу надежную, хоть и скучную профессию и буду потом стабильно зарабатывать деньги в какой-нибудь фирме.

Но для этого... для этого надо остаться в колледже.

А для того, чтобы остаться в колледже, нужно, чтобы никто не узнал про то, что это не Громов был в кабинете директора, а я.

Но где гарантии, что он про это никому не расскажет?

Ночь проходит беспокойно: я постоянно ворочаюсь, долго

не могу уснуть, а когда все же засыпаю, то во сне оказываюсь внутри огромного аквариума, где сотни пираний бросаются ко мне и начинают обгладывать мои руки. Вскрикиваю от ужаса и просыпаюсь.

Меня всю трясет, и я уверена: больше не засну до самого утра. Но понемногу сон меня все же забирает, и я с трудом слышу звонок будильника.

В колледж мы с мамой едем вместе, как и всегда, и хотя обычно я люблю это время, потому что можно поболтать и обсудить предстоящий день, но сегодня ее присутствие меня нервирует.

– Лия, что с тобой?

– А что такое? – вскидываюсь я.

– Ты сама на себя не похожа. Заболела, может? Вот я говорила тебе, что рано еще без куртки ходить.

– Нет, нет, все в порядке, – криво улыбаюсь я и оставшуюся часть дороги очень стараюсь вести себя нормально.

Но когда мы подходим к колледжу, у меня едва сердце из груди не выпрыгивает: я безумно нервничаю от того, что Громов может снова ко мне подойти – прямо при маме!

Но, к счастью, на парковке нет ни его белой машины, ни его черно-зеленого мотоцикла. Я чувствую такое невероятное облегчение, что едва слезы на глаза не наворачиваются.

Какая же я дура!

Как я могла забыть, что Громов никогда не приезжает к первой паре! Это ведь слишком сложно для его высочества.

Раньше второй-третьей его ждать не стоит, и то не факт, потому что иногда он и вовсе забывает на учебу и целыми днями не показывается в колледже.

«Пожалуйста! – мысленно умоляю я высшие силы. – Пусть сегодня будет именно такой день!»

Но или высших сил попросту не существует, или они сегодня не в настроении, потому что когда я выхожу со второй пары, Громов уже ждет меня в коридоре, оперевшись спиной на стену.

Глава 4. Когда у кого-то на меня свои планы

– Привет, Люба! – ухмыляется Громов.

– Меня зовут Лия, – бормочу я и воровато оглядываюсь по сторонам, нет ли поблизости мамы.

Мамы, к счастью, нет, но зрителей и без того хватает: все девочки из нашей группы замерли на месте и, вместо того, что идти на третью пару, стоят и пялятся на Громова.

– Как настроение? – продолжает он весело.

«Было лучше, пока тебя не увидела!» – хочется мне сказать, но я не рискую.

– Ты что-то хотел? – нейтрально спрашиваю я, стараясь не обращать внимание на удивленные шепотки. – Извини, я просто тороплюсь...

– Уже не торопишься, – расслабленно сообщает мне Громов.

Он отталкивается от стены и грациозно, словно огромный зверь, потягивается всем телом. На руках красиво прорисовываются мышцы, футболка чуть задирается, обнажая крепкий рельефный живот, и все девочки в коридоре восхищенно вздыхают.

Но Громов смотрит только на меня.

– Иди сюда, – негромко приказывает он.

Я не двигаюсь с места.

— Захар, — подает голос Элина Вишневская, как самая наглая из всех. — А ты с кем-то поспорил на это чучело, да?

— Неа, — лениво отвечает он. — Она у меня личным секретарем просто подрабатывает.

— О! — ее пухлые губы складывается в удивленное колечко, а потом Элина улыбается, хлопая своими ненатуральными ресницами так активно, будто хочет взлететь. — А тебе нужен секретарь, Захар? Может, меня лучше возьмешь?

— Ты слишком красивая, малышка, отвлекать меня будешь, — ухмыляется он, и это звучит так пошло и фальшиво, что я невольно закатываю глаза.

Но Вишневская принимает его слова за чистую монету и смеется своим звонким кукольным смехом.

— Тогда, может, просто пригласишь меня куда-нибудь? — кокетливо интересуется она.

— Может, — ослепительно улыбается Громов. А потом добавляет: — Но сначала запишись у моего секретаря, окей?

— Ооокей, — растерянно тянет Вишневская и поворачивается ко мне. — Слушай, Истомина...

Но я не успеваю дослушать, что она хотела, потому что Громов бесцеремонно хватает меня за запястье и куда-то тащит. Все, как вчера — полное дежавю, только теперь мы поднимаемся по лестнице вверх.

— Хватит! — вскрикиваю я и пытаюсь выдернуть руку. Ничего не получается, но Громов хотя бы останавливается.

– Что?

– Ты издеваешься надо мной, да? – с отчаянием спрашиваю я. – Ну зачем ты сказал эту ерунду про секретаря, они ведь правда тебе поверили! И будут теперь ко мне лезть!

– Ну и дуры, – легкомысленно отмахивается он. – Забей, Лиля.

Но мою руку при этом не отпускает.

– Лия, – поправляю я, не получаю в ответ никакой реакции, тяжело вздыхаю и осторожно говорю: – Послушай. Захар...

– Зак, – немедленно говорит он.

– Что?

– Мне больше нравится, когда меня зовут Зак.

«Да пофиг мне, что тебе нравится!» – злобно думаю я.

Я слышу, как в коридорах хлопают двери аудиторий, и затем воцаряется тишина. Значит, третья пара уже началась, а Магда Валерьевна не любит опозданий и прогулов. Меня она, кстати, тоже не любит. Просто комбо.

Так. Надо как-то аккуратно избавиться от Громова и поспешить на лекцию. Лучше уж опоздать на нее, чем совсем не прийти.

Я набираюсь храбрости, поднимаю голову и, глядя прямо в наглые зелёные глаза, говорю максимально вежливо:

– Послушай, Зак, я очень тебе благодарна за помощь, правда! Но я же тебе уже все вчера рассказала. Как ты просил. И думала, что тебе от меня больше ничего не нужно.

– Ну и зря думала, – хмыкает он и почти ласково интересуется: – Неужели твой вчерашний рассказик – это все, чем ты можешь отблагодарить меня, кукла? Не слишком ли дешево?

– Я не знаю, чем я должна за такое расплатиться! – отчаянно говорю я, потому что правда не понимаю, что ему от меня надо. Протекция моей мамы ему не нужна, он и так в колледже на особом положении, денег с меня не возьмешь, помощь с учебой тоже мимо, а всякие интимные услуги у Зака и так в неограниченных количествах. Только руку протяни. А я не в его вкусе, унылая, страшненькая и все такое.

Что он тогда пытается от меня получить, черт возьми?

– У меня же ничего нет, – тихо озвучиваю я совершенно очевидную вещь

– Нет, – подтверждает Громов, проходясь по мне незаинтересованным взглядом.

– Тогда я могу идти? – осторожно спрашиваю я.

– Не угадала, – лениво сообщает он. – Пойдешь со мной на пару.

– Зачем?

– Мне там скучно. Будешь меня развлекать.

– Я тебе не клоун, – зло отвечаю я.

– Но ведь это в твоих интересах, разве нет? – насмешливо приподнимает он бровь. – Или тебе хочется, чтобы все узнали о твоей маленькой тайне? Ты ведь сама мне вчера во всем призналась. И если представить, что я делал запись нашего

разговора...

– Ты делал?!

– Да, – Громов секунду наслаждается моим ужасом, а потом с усмешкой добавляет: – Или нет. Сложно сказать. Ну так что? Идем?

– Идем, – обреченно говорю я. – В какой аудитории у тебя сейчас пара?

– Понятия не имею. Не слежу за расписанием. Посмотри на сайте.

– А почему ты не можешь это сделать сам?

– Потому что ты мой секретарь, – ухмыляется он. – Забыла?

– А где моя зарплата в таком случае? – угрюмо интересуюсь я, доставая телефон и открывая страницу нашего колледжа.

– Ты уже всю ее потратила на огромный аквариум, – невозмутимо парирует Громов. – Такой, знаешь, во всю стену. У директора в кабинете похожий стоял. Видела?

– Не видела, – огрызаюсь я. – Там темно было. У тебя сейчас ПАД в В15. Это на втором этаже.

– Отличная работа, Лола, – ухмыляется он, а в зеленых глазах искрится веселье.

Ему нравится надо мной издеваться – я уже это поняла.

Если не показывать, как сильно меня это бесит, может, он рано или поздно прекратит свои идиотские шуточки?

Ну или просто закончатся женские имена на Л. Когда-то

ведь это произойдет?

– Что значит, ПАД, кстати? – миролюбиво интересуюсь я, когда мы спускаемся вниз на второй этаж.

– ПАД?

– Ну так называется твоя пара, куда мы идем. Что это за предмет?

– Признаки алкогольной депрессии? – приподнимает он бровь.

Я фыркаю.

– Сомневаюсь.

Громов задумывается.

– Значит, прерывание анальной девственности. Сто процентов.

Я давлюсь воздухом, кашляю, а потом возмущенно на него смотрю, надеясь, что ему станет стыдно.

Но он только шире ухмыляется.

Перед дверью аудитории В15 я неловко замираю. Может, Громов все-таки пошутил?

– Ты серьезно хочешь, чтобы я туда пошла?

– Угу.

– Зачем?

– Сказал же. Развлекать меня.

– Как?! – шепотом кричу я. – Я не понимаю! Не умею!

– Зато я умею. – Громов открывает дверь аудитории и вталкивает меня туда. А потом заходит следом.

Молодой преподаватель с гладко зализанной челкой зами-

рает, глядя на нас из-под очков. Я видела его несколько раз в коридорах, но у нас он еще ничего не вел.

– Пара уже началась, – говорит он сухо.

– Поэтому я и пришел, – развязно отвечает Громов. – Не началась бы, я бы не пришел. Логично?

– Садитесь. А эта девушка?.. – он смотрит на меня вопросительно.

– Мой учебный ассистент, – объявляет Громов, притягивая меня к себе и приобнимая за плечи. Его широкая ладонь обжигает даже через одежду, и меня пробивает дрожью от этого касания. – Администрация ее выделила специально, чтобы она мотивировала меня на выполнение учебной программы. Если вы понимаете, о чем я. Да, малыш?

Аудитория с готовностью ржет. Даже самое дешёвое представление для них лучше, чем скучная лекция – это понятно.

– Девушка? – брови преподавателя уезжают куда-то к линии лба. – Объяснитесь.

– Он шутит, – неловко бормочу я, пытаюсь сбросить с плеча тяжелую руку.

– Вы же дочь Ольги Григорьевны? – вдруг доходит до преподавателя, который все это время придирчиво изучает мое лицо.

– Да. (О господи, я надеюсь, мама никогда об этом не узнает!)

– Это ее распоряжение?

– Да. (Когда, когда я стала столько врать?!)

– Понятно. Ну что ж, садитесь.

Он вздыхает, поправляет очки и снова возвращается к лекции. Что-то про крупные задачи, часто возникающие в бизнес-аналитике, и еще много всяких непонятных слов.

Полностью свободных парт нет, на каждой кто-то сидит, но Громов уверенно подходит к последней, где развалился какой-то блондин с модной стрижкой. Хватает короткого «Свалил», и тот быстро хватается за вещи и пересаживается на другой ряд.

Мы садимся за эту парту. Вдвоем.

– Первая задача связана с прогнозированием временных рядов, – бубнит преподаватель. – Задачи такого типа часто возникают, когда необходимо оценить значение показателя в будущем, основываясь на истории его изменения в прошлом. Такими показателями могут быть спрос на товар, аудитория рекламного баннера, цена акций...

Громов со скучающим видом достает телефон, что-то там набирает, а потом протягивает его мне.

«Сыграем?»

«Во что?» – печатаю я и отдаю ему обратно.

На этот раз он пишет дольше.

«В жопу. Сначала я говорю это слово шепотом потом ты громче потом я еще громче и так пока не выявится победитель»

У меня перед глазами темнеет. Что он себе позволяет?!

– Я не буду такое делать! – яростно шиплю я. – Я не скажу

такое! Никогда!

– Сразу видно – хорошая девочка, мамина радость, – издевательски шепчет Громов, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую жар его дыхания и терпкий древесный запах одеколона. – Заменим на слово «дурак»? Так согласна играть?

– Нет!

– Выиграешь – будешь свободна от меня. Обещаю.

Я закусываю губу. Это заманчивое предложение. Ужасно заманчивое. Я ведь и так уже опозорилась – дальше некуда. Надо просто дойти сейчас до конца и избавиться от присутствия Громова в своей жизни раз и навсегда.

– Обещаешь? – с сомнением спрашиваю я.

– Клянусь.

И что-то в выражении зеленых глаз заставляет поверить ему.

Я неловко киваю и тихо, одними губами шепчу:

– Дурак.

Смотрю при этом на Громова, чтобы он не сомневался, кого я имею в виду.

– Дурак, – отзывается он чуть громче.

У меня сильно колотится сердце, ладони становятся влажными, и я торопливо вытираю их об юбку. Мы отвратительно себя ведем, так нельзя! Но почему меня так манит вызов, который горит в его взгляде? Почему мне так страшно и сладко одновременно?

Это неправда, что у дьявола красные глаза. У дьявола глаза – зеленые. С карими прожилками, черными дырами зрачков и бессовестно длинными и пушистыми ресницами.

– Дурак!

Меня уже слышат студенты на соседних партах и недоуменно оборачиваются в нашу сторону. Громов ухмыляется и шепчет мне "умница".

– Дурак! – говорит он затем еще громче. Уже почти в полный голос.

Преподаватель нас пока не слышит, он увлеченно пишет что-то на доске, параллельно рассуждая о том, какая формула тут подойдет лучше всего.

– Дурак! – я повышаю голос, как могу, но он все равно предательски дрожит.

А взгляд все не отрывается от Громова и одобрительной усмешки на его лице.

Спина преподавателя напрягается, и он перестает писать. Вокруг становится шумно, все начинают шептаться.

– Это что? Пранк?

– Зак, ты че? Поспорил?

– Слышь, это же дочка завучихи...

Громов тоже смотрит мне в глаза, медлит, и на мгновение я ощущаю триумф. Кажется, в победила! Он побоится сказать громче, особенно когда идет занятие, и его недавно отводили к директору, и...

– Дурак!!! – громко, очень громко орет он.

Вот теперь лекция точно прерывается, потому что преподаватель разворачивается и смотрит на нас с яростью. На нас – на меня и на Громова.

Мне ужасно стыдно, я злюсь, что проиграла, злюсь, что вообще позволила себя во все это втянуть, боюсь, что сейчас могут вызвать мою маму...И поэтому...Поэтому я решаюсь на мелкую месть, заодно надеясь, что это переключит внимание преподавателя.

Я встаю и четко говорю:

– Я прошу прощения, но студент Громов только что уверял меня, что все, что вы рассказываете, он уже знает. И что только *дурак* не решит этой задачи. Разрешите ему продемонстрировать это?

Глава 5. Когда я опять рискую

Тонкие губы преподавателя внезапно кривятся в неприятной усмешке.

– Что ж, я всегда готов дать шанс студентам продемонстрировать свои знания, – тянет он зловеще. – Прошу вас к доске, Громов. Считайте, что экзамен начнётся для вас прямо сейчас. Без права пересдачи.

Черт, кажется, это было не самой лучшей идеей.

Я не ожидала, что преподаватель решит именно сейчас отыграться на Громе за все: и за сорванную лекцию, и за опоздания, и за хамство.

Ну почему я вечно все порчу?!

Я на сто процентов уверена, что Зак откажется выходить к доске, и уже лихорадочно думаю, как бы получше разрешить эту ситуацию и стоит ли опять приплетать сюда маму, как он вдруг резко поднимается и идет по проходу между партами.

Судя по ошарашенному лицу препода, он тоже не ожидал такого развития событий.

И поэтому тупо смотрит на Громова, когда тот протягивает к нему руку.

– Что?

– Маркер дайте, блин, – неприязненно бросает он. – Чем я, по-вашему, должен по доске корябать? Членом?

Преподаватель краснеет неровными пятнами, молча пи-

хает ему в ладонь маркер и отходит в сторону, скрещивая руки на груди.

– Посмотрим, как вы это решите, – зловеще говорит он. – Это вообще-то новая тема!

– Смотря для кого, – ухмыляется Громов. – Я тут, блядь, не первый год.

И начинает со скупающим видом строчить на доске решение.

Судя по перекосившемуся лицу препода – правильное.

Он молча следит за рукой Громова, а едва тот дописывает, тут же начинает забрасывать его вопросами, в которых мелькают такие ужасные слова, как «параметрические методы», «многофакторный анализ» и «независимые выкладки». Я слабо понимаю, о чем речь, потому что предмет мне совсем не знаком, но, кажется, это что-то среднее между математикой и экономикой.

Но удивляет не это. А то, что Громов, не моргнув глазом, отвечает на все эти вопросы. Причем очень хамским тоном и с презрительной усмешкой на красивом лице.

– Достаточно, – наконец выдыхает преподаватель, сверкая разъяренными глазами из-под очков и нервно ероша свою прилизанную челку. – Я... я ставлю вам автомат, Громов. К сожалению, заслуженный, так что вы можете больше не ходить на мои занятия.

– Думаете, я собирался? – приподнимает он бровь и демонстративно зевает. – Тут скучно пиздец, мухидохнут. В

прошлом году как-то поприкольнее этот курс читали, а вы гоните голую теорию и все. Какой это, блядь, прикладной анализ данных, если тут нет нихера прикладного?

У молодого препода краснеют уши, и, кажется, если бы он мог, он бы Громова ударил.

Но я почему-то думаю не об этом, а о том, что загадочный ПАД, оказывается, расшифровывался как «прикладной анализ данных». А еще думаю о том, что Громов прекрасно об этом знал. И название предмета, и сам...предмет...

Не обращая больше внимания на преподавателя, Громов поворачивается ко мне и смотрит так, что у меня мороз идет по коже. В этом взгляде и плохо скрываемое торжество, и обещание расплаты, и еще что-то темное, жуткое, до мурашек.

Сейчас я понимаю как никогда, почему именно он стал прототипом моего героя-мага: Громов не просто красив, он буквально излучает природный магнетизм, силу и власть, и это неизбежно притягивает, хоть и пугает до ужаса.

– Лекция окончена, все свободны, – с ненавистью бросает преподаватель, хватая свои бумаги и первый выскакивает из аудитории.

Остальные студенты лениво собирают вещи, о чем-то разговаривая, но я их практически не замечаю, потому что Громов подходит еще ближе и усаживается на край парты.

Называется, отделалась от него...

Только еще сильнее влипла.

– Значит, проиграла и решила меня подставить, кукла? – насмешливо интересуется он. – Обидно, что не вышло, правда?

Я не решаюсь поднять на него взгляд. Вижу только по-мужски широкую ладонь, которой он упирается в парту, и смуглое, увитое венами предплечье.

– И что теперь? – тихонько спрашиваю я.

– Штраф, – по голосу слышно, что Громов ухмыляется. – А ты как думала? Отрабатывать будешь свои косяки, Люда.

– Мне ужасно не нравится имя «Люда», – вздыхаю я. – Может, вернёмся к Лоле? Или как ты меня называл в прошлый раз?

Громов хохочет – неожиданно громко, открыто и искренне, а потом вдруг цепляет меня пальцами за подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть на него.

– Сегодня в семь за тобой заеду, – говорит он.

– Зачем? – у меня сердце сейчас, наверное, из груди выскочит.

Он слишком близко, он касается моей кожи своими сильными горячими пальцами, и это переворачивает все внутри меня с ног на голову.

– В клуб со мной поедешь, – лениво роняет Громов и убирает руку с моего лица.

– К-какой?

– Шахматный.

– Правда?!

– Блядь, ну нет, конечно.

– А в какой? – глупо спрашиваю я.

– В ночной.

– Нет! – я в панике хватаю его за руку. – Пожалуйста, нет, меня не отпускай! Давай я лучше еще с тобой на пару пойду!

– Милое предложение, жаль, что я сегодня больше не планирую учиться, – скалит зубы Громов. – Есть дела поинтереснее. Так что в семь стой у подъезда, заберу тебя.

– Но я не могу!

– Можешь, – в его взгляде приказ и жесткая категоричность, которую он смягчает обаятельной улыбкой. – Давай, кукла, потусишь со мной еще разок, и отпущу тебя.

Мой мозг работает на полную мощность, лихорадочно перебирая и отбрасывая варианты. Как отпроситься у мамы в ночной клуб, если это невозможно? Как уехать из дома незамеченной, если это невозможно?

– Из колледжа, – непослушными губами произношу я, но мой голос звучит твердо.

– Что? – непонимающе хмурится он.

– Заберешь меня в семь из колледжа. Не из дома.

– Почему?

– Потому что у меня тоже есть дела.

Мама закончит работу в пять и уедет домой. Я скажу ей, что надо готовиться к курсовой и останусь в библиотеке, а потом совру, что Аня позвала нас с Таней к себе в гости. За город. И что потом меня на такси привезут домой. Так

на самом деле уже было пару раз, поэтому мама мне скорее всего поверит. Я ведь никогда не врала ей. Раньше.

– А ты не планируешь переодеться перед клубом?

– Нет.

– Поедешь вот в этом? – он со снисходительной усмешкой смотрит на мой бесформенный темно-синий пиджак, и я непроизвольно краснею и нервно вцепляюсь в край юбки, которая по виду ничуть не лучше пиджака.

– Да! – с вызовом отвечаю я. – В этом! А что?

Его красиво очерченные губы расплываются в улыбке.

– Ничего. Так даже забавнее будет. До вечера, Лина.

И, не дожидаясь моего ответа, он разворачивается и идет к двери.

– До вечера, Гробов, – мстительно бормочу я себе под нос, но только тогда, когда его широкая спина исчезает из поля зрения.

Кажется, я на сегодня и так достаточно нарвалась, не стоит рисковать еще больше.

– Что за странная идея? – голос мамы звучит недовольно. – Завтра рабочий день, а вы вдруг собраться решили. Нет, я понимаю, что Аня не учится и не работает, но она могла хотя бы про вас подумать...

– Мам! – жалобно прошу я. – На выходные у девочек другие планы, а я ведь правда редко куда-то хожу...

– Редко, не поспоришь, – мама вздыхает как-то виновато. – Хорошо. Но допоздна не засиживаться, Лия! Поняла? Написать мне, как приедешь, написать, когда поедешь. Обратно на такси. Или тебя водитель Анин привезет?

– На такси, – поспешно говорю я. – Спасибо, мам! Все, пока!

– Хорошо проведите время, – напутствует она.

Я кисло улыбаюсь и кладу трубку.

Боюсь, слово «хорошо» к сегодняшнему вечеру подходит мало. Зачем Громов меня тащит с собой? Снова придумает какую-то идиотскую игру, чтобы надо мной посмеяться?

Лучше не думать. Так будет легче.

Без десяти семь я выхожу на крыльцо колледжа, а через несколько минут туда подъезжает вип-такси, и из него выходит Громов. Вот он явно заехал домой переодеться, потому что теперь на нем вместо привычной кожаной куртки синий с белым спортивный бомбер, на ногах светлые джинсы и белые кроссовки, а волосы по-модному взъерошены. Он выглядит расслабленнее, чем в колледже, и ему это все просто возмутительно идет.

Я теперь рядом с ним выгляжу еще хуже, и радости мне это не добавляет.

– Привет, кукла, – широко ухмыляется Громов, распахивая перед мной дверцу дорогой машины. – Готова повеселиться?

– Готова выполнить нашу договоренность, – упрямо отве-

чаю я. – До сколько я там должна быть?

– Пока мне не надоест, – лениво отвечает он с переднего сиденья, и это не тот ответ, который мне хочется услышать.

Мне нельзя задерживаться, иначе мама узнает, где я.

И тогда будет катастрофа.

Я обещаю себе, что буду очень скучной и постараюсь надоесть Громову еще до того, как мы приедем в клуб.

Вывеска «Брусника» сияет неоновым светом, и поэтому ее хорошо заметно на старинном здании в центре города. Я слышала про этот клуб, он даже среди наших студентов считается очень престижным. Во многом потому, что вход туда разрешен только по клубным картам и только с двадцати одного года, а значит, раньше четвертого курса попасть в «Бруснику» просто нельзя.

– Меня не пустят, – с плохо скрываемым облегчением говорю я. – Мне девятнадцать.

– Пospорим? – спрашивает он, поворачивая ко мне голову. Отблеск фонарей падает на крошечного дракона в правом ухе, и тот вспыхивает серебряными искрами.

Я молчу.

Хорошо, что не стала спорить, потому что стоит Громову показать черную с золотым тиснением карту, как его и меня пропускают без всяких разговоров. Кажется, он сюда ходит на каких-то особых условиях.

Здесь три этажа, на каждом свой бар, своя музыка и свои... фишки, которые Громов лениво перечисляет, пока

мы поднимаемся по лестнице.

– На первом после полуночи бои можно посмотреть, видишь в углу ринг? Все официально, со ставками. На втором тусят любители таблеточек и всяких стимуляторов, зато и диджеи здесь всегда самые прикольные.

Я вздрагиваю.

Нет, мама никогда в жизни не должна узнать, где я сегодня была. Ни за что на свете.

– А на третьем? – с волнением спрашиваю я, потому что мы идем именно туда.

– Стриптиз, эротические шоу и вип-зоны, – скучающим голосом говорит Громов. – Наша вот здесь.

Зоной он называет столик с несколькими диванами, огороженный от остального пространства невысокой прозрачной стеной. Там пока никого нет. На маленьких площадках, предназначенных, видимо, для выступлений, тоже пока пусто, только металлические шесты блестят в лучах софитов, намекая на то, какого рода тут проходят танцы.

Я сажусь на край диванчика, чопорно одергиваю юбку, и складываю руки перед собой, как прилежная ученица. Громов же расслабленно разваливается рядом со мной, несмотря на то что свободных мест еще куча, и двигает ко мне меню в толстой кожаной папке.

– Выбирай, что хочешь.

– Я не буду ничего.

Он поднимает на меня опасный взгляд.

– Выбери, что хочешь, кукла, или я сам сделаю заказ и тебе придется это съесть. Нравятся улитки в соусе?

Меня передергивает, и под смех Громова я быстро заказываю себе самое простое, что нашла в меню – гриль-стейк из цыпленка и мини-картофель.

– Что желаете из напитков? – услужливо интересуется официант в брусничного цвета смокинге.

– Просто воду, – неловко говорю я.

– Воду и бокал просекко, – поправляет меня Громов. – А мне виски.

– Вам Макалан, как обычно, или, может быть, хотите Гленморандж?

Голос официанта неувовимо меняется, когда он обращается к Громову, становясь буквально шелковым.

– Макалан.

– Конечно.

Он с достоинством кивает и уходит за напитками, которые оказываются у нас на столе почти моментально. Еду мне тоже приносят достаточно быстро, и под насмешливым взглядом Громова мне приходится не только съесть все, что было в тарелке, но и сделать несколько глотков из бокала.

Я еще никогда не пробовала алкоголь и жду какого-то острого противного вкуса, но просекко пахнет фруктами и почему-то сеном и вспыхивает на языке приятными пузырьками. Это неплохо. И вообще все довольно неплохо: мы тут вдвоем, Громов ведет себя спокойно, даже шуточек не от-

пускает, у меня по телу растекается приятное чувство сытости и расслабленности, и я даже позволяю себе подумать, что вечер и правда может пройти хорошо.

Но именно в этот момент до нас доносится волна шума: по лестнице поднимается галдящая компания человек из шести. Шикарные девчонки, надменные парни, они переговариваются, хохочут и направляются...

«Нет, только не к нам!» – мысленно бормочу я.

Но пора уже привыкнуть к тому, что высшие силы меня игнорируют, потому что подходит эта компания именно к нам.

– Зак!

– Здорово!

– Привет, зай. Шикарно выглядишь!

– Ты рано!

– Уже заказал бухло?

И только тут эта компания вдруг замечает меня и замолкает. Вид у них у всех такой, будто они в коровью лепешку наступили. Я слышу сдавленные смешки, вижу презрительные удивленные взгляды, которыми они ведут, будто липкими руками, по моим собранным в пучок волосам, по моему лицу без косметики, моему бесформенному пиджаку... Это ужасно. Это унижительно.

Громов меня для этого позвал? Чтобы они все надо мной посмеялись?

– Зак, а это кто вообще? – спрашивает с кривящейся мор-

дочкой какая-то миниатюрная брюнеточка.

– Мой телохранитель, – не моргнув глазом, отвечает Громов. – Элитный, как вы понимаете. Экстра-класса. Отец других на работу не берет. Садитесь, чего застыли.

Глава 6. Когда я вступаю в игру

Тишина воцаряется такая плотная, что ее можно резать ломтями и продавать. Например, в школы. Уверена, спрос был бы огромный.

Господи, да что за ерунда лезет мне в голову?

И что за ерунду несет Громов?! Он совсем крышей поехал? Хочет еще сильнее надо мной поиздеваться? Мало ему того, что я тут выгляжу абсолютной уродкой по сравнению со всеми и что даже у уборщицы этого клуба, которая протирает пол возле сцены, вид лучше, чем у меня?

Но внезапно компания Громова, вместо того, чтобы зажать, осторожно переглядывается, и та самая брюнетка, которая только что кривила личико, вдруг робко делает шаг вперед и неуверенно говорит:

– Здрасьте. А нам сесть можно или ты нас сначала досмотреть должна? Мы если что через металлоискатель проходили.

До меня только через секунду доходит, что это она меня спрашивает. Не Громова. Меня!

– Можно, садитесь, – ляпаю я.

И ловлю краем глаза его искрящийся смехом взгляд, при том, что лицо у Громова абсолютно серьезное. Но глаза! Они же выдают его с потрохами! Неужели этого никто, кроме меня, не замечает?

Ребята быстро рассаживаются, заполняют все свободные места, и я оказываюсь с одного бока притиснута к твердому бедру Громова, а с другой на меня дышит приторными духами и мятной жвачкой рыжая кудрявая девушка.

Она же с любопытством поворачивает ко мне голову и спрашивает:

– А как тебя зовут?

– Лара, – отвечает за меня Громов.

– Лия, – на автомате поправляю я.

– У нее много имен, – поясняет Громов таким скучным и обыденным голосом, что его почти невозможно заподозрить во лжи. – Конспирация.

– А я Мари, – рыжая аж подпрыгивает от любопытства. – А пиджак – это у тебя специальная форма такая?

– Это чтобы удобнее было оружие прятать, – объясняет Громов небрежно.

Несколько девушек за столом ойкают, а парни обращают на меня заинтересованные взгляды.

– И че, типа все прям так серьезно, что пушку надо таскать, да? – тянет один из них, с кольцом пирсинга в носу и ярко-зеленым ежиком волос.

– Да, – осторожно отвечаю я.

– А какая модель?

Громов хмурится и уже открывает рот, чтобы меня спасти, но я его опережаю.

– Glock, – небрежно говорю я, хотя у самой колотится

сердце. – Семнадцатый.

От парней раздается уважительное «уууу».

– А можно посмотреть ствол? – спрашивает какой-то белобрысый раскачанный лось.

– Вон у Бори его ствол посмотри, – вдруг рывкает Громов. – И свой ему можешь заодно показать, если так интересно. А от моего телохранителя отвянь.

– Э, Зак! Да ты чё бесишься, я ж просто спросил, – успокаивающе гудит лось. – А с какого вдруг твой отец нанял ее? Проблемы?

– Конкуренты, угрозы, – туманно отвечает уже успокоившийся Громов и внезапно пристраивает свою ладонь мне за спину. Незаметно для остальных. – Решили перестраховаться.

– А не слишком ли она мелкая для телохранителя, Зак? – высокомерно спрашивает молчавшая до этого красотка с глубоким декольте и медным каре. – Выглядит, как школьница.

– Алис, ты бы не лезла туда, в чем не разбираешься, – ухмыляется он. – Лика закончила женскую академию на военной базе под Саратовом. А туда набирают с семи лет.

Пока Громов врет свои друзьям и не краснеет, его ладонь внезапно начинает гладить меня по спине, но жест получается не провокационный, а наоборот, успокаивающий. Он как будто предлагает мне не бояться, а включиться в его игру.

И я почему-то вдруг решаюсь. Возможно, всему виной

просекко, которое все еще туманит голову, возможно, щеко-
чуший кончики пальцев адреналин... А возможно, ладонь
Громова, от которой растекается тепло между лопатками.

Но я вдруг педантично поправляю его:

– База у нас под Самарой вообще-то, но это секрет. И в
академию только с восьми лет принимают.

– Точно. Все время путаю, – кивает он.

И дарит мне короткую заговорщицкую усмешку, от кото-
рой меня вдруг насквозь прошибает электричеством.

Мне задают еще несколько вопросов. На некоторые я в
ответ выдаю развесистую ложь, а на некоторые просто качаю
головой и строго говорю «подписка о неразглашении». И мне
верят.

Это так странно. И смешно.

Когда удовлетворено основное любопытство, про меня в
компании все быстро забывают: заказывают себе кучу раз-
ного алкоголя, какие-то закуски, начинают пить, обсуждать
незнакомых мне людей и хохотать над неясными мне шутка-
ми.

Мне снова становится скучно и слегка неловко.

Клуб уже заполнился людьми. Со второго этажа доносят-
ся крики и отдаленная долбежка музыки, а на нашем этаже
приглушается свет, и к шестам выходят три девушки и двое
парней. Они откровенно одеты, а движутся еще более откro-
венно, так что я, сначала залипнув взглядом на их пошлом
танце, тут же вспыхиваю и отвожу глаза. Если не смотреть, то

нормально. Можно даже расслабиться и спокойно пить второй бокал просекко, который Громов уже успел мне заказать.

– Зай, пойдем потанцуем! – капризно тянет девушка с декольте и медными волосами, перегибаясь через столик и хватая Громова за рукав. – Скукота так сидеть. Ты же обещал мне в прошлый раз!

Внезапно его ладонь ложится мне на колено и сжимает его. И в сочетании с коротким взглядом, который он на меня бросает, это похоже на определенный приказ.

– Никаких танцев, – говорю я строго, надеясь, что верно поняла пожелание Громова. – Слишком велика вероятность нападения в толпе.

– Прости, Алис, – тот изображает раскаяние, но взгляд у него довольный донельзя. – Я с ней не спорю, себе дороже, сама понимаешь.

– Понятно, – шипит она, тут же хватая сидящего рядом с ней зеленоволосого за плечо и бросает ему: – Тогда ты, Боря. Шевелись. Пойдешь со мной.

Тот, просяив, подсакивает и увлекает ее на танцпол. А Громов награждает меня еще одной быстрой усмешкой, от которой внутри меня что-то плавится.

Мы сидим еще примерно час, во время которого я пишу маме покаянное сообщение, что еще немного побуду в гостях, что все у нас замечательно и что ничего страшного в моей задержке нет, ведь домашку на завтра я уже сделала. «Я ложусь спать», – наконец отвечает мама. – «Приезжай, как

приедешь. Утром поговорим».

Ничего хорошего эти слова не предвещают, но я решаю не париться о том, на что все равно уже повлиять не смогу. Тем более, что у меня есть другая причина для забот – более острая и насущная. Я хочу в туалет. Очень хочу.

Но мне безумно неловко встать и прямо при Громове сказать, куда я направляюсь. Вот и терплю. Он же выйдет из-за стола рано или поздно? Правда?

– Зак, – вдруг к нашему столу спешит тот самый белобрысый лось, причем лицо у него почему-то растерянное. – Братан, проблема! Поможешь?

Из его сбивчивых рассказов я понимаю, что он что-то разбил в баре, что это было случайно, а они хотят денег, а у него как раз отец блокнул карту, и может ли Зак разрулить все, он же четкий пацан...

– Блядь, – резюмирует Громов со вздохом. – Ладно, пошли, разберемся.

И едва я обрадованно выдыхаю, как он вдруг приближает губы к моему уху и шепчет:

– Чтобы ни шагу из-за стола, кукла. Поняла?

Я послушно киваю, совершенно не планируя в этот раз слушаться, и Громов вместе с лосем уходят.

Но едва я подрываюсь вскочить, чтобы поискать заветный туалет, как ко мне приклеивается та кудрявая рыжая, которая сидит сбоку от меня.

– Слушай, – заговорщицки улыбается она, – а можешь по-

мочь мне, как девушка девушке?

– Да, – машинально отвечаю я, мечтая поскорее от нее отвязаться.

– Не знаешь, с кем Зак планирует сегодня на вписке быть, раз Алиску он отшил?

– Почему я должна это знать? – неожиданно резко спрашиваю я.

– Ты же его телохранитель, – удивляется она. – Я думала, ты должна заранее знать, с кем он будет трахаться, чтобы проверить ее, разве нет?

Я едва не давлюсь воздухом.

– Это секретная информация, – строго отвечаю я, хотя меня это все почему-то ужасно раздражает.

– Блин, хоть бы я, – искренне вздыхает девушка. – Я уже две недели как в рыжий покрасилась, а Зак хоть бы посмотрел в мою сторону!

– Зачем в рыжий? – вырывается у меня.

– Ты что! – он смотрит на меня так, будто всерьез сомневается в моей квалификации. – Зак ведь только с рыжими девчонками мутит, фетиш у него такой!

Меня сначала разбирает смех, а потом злость.

Вот же Громов скотина! Значит, в колледже он всем заливаает, что ему нужны брюнетки, тут в клубе ему рыжих подавай, а на самом деле кто его любовь? Блондинки? Лысые?

Мысль о том, что ему могут нравиться светловолосые, впиивается в сознание отравленной иглой, но ее тут же пере-

крывает физическая потребность, которая очень остро о себе заявляет.

Я резко встаю.

– Где здесь туалет?

– Вон там, за сценой, – рыжая машет рукой вправо.

– Спасибо.

Я уже оказываюсь у заветной двери, но внезапно оттуда раздается мужской хриплый голос и женские стоны. Черт возьми, ну они не могли другого места себе найти!? Я же сейчас под страхом смерти туда не зайду! Ну не в мужской же мне идти?

Не думая уже ни о чем, я вихрем несусь к лестнице, спускаюсь на второй этаж, где все заполнено клубами дыма, цветными вспышками и извивающимися телами. А еще тут странно и сладко пахнет, у меня даже в горле першит.

Туалет здесь точно так же расположен, как и на третьем этаже, – и я с огромным облегчением туда залетаю. Протискиваюсь через толпу пьяных хохочущих девчонок, нахожу свободную кабинку, а потом, до невозможности счастливая, выхожу обратно. Надо быстрее вернуться, пока Громов не заметил моего отсутствия. А потом аккуратно ему намекнуть, что развлечений на сегодня достаточно и что моя смена телохранителя подходит к концу. Вызвать такси, вернуться домой, снять, наконец, эти неудобные ботинки, в которых за целый день ужасно устали ноги, придумать оправдание для мамы...

– Опа, малышка!

Незнакомый огромный парень, выходящий из мужского туалета, буквально падает на меня и прижимает собой к стене. От него резко воняет потом и тяжелым парфюмом, а на лице дебильная полуулыбка, от которой мне становится страшно.

– Пустите, пожалуйста, – прошу я.

Ноль реакции.

На меня пялятся абсолютно безумные обдолбанные глаза, а я почему-то даже на помощь не могу позвать. В горле все пересохло.

– Какие губки, – хрипит он, пытаюсь потрогать меня за лицо. – Отсосешь?

– Помогите! – кричу я испуганно, но мой голос растворяется в шуме, даже девочки, выходящие из туалета, не обращают на нас никакого внимания. – Я не хочу!

– Красотка, – его рука нашаривает мои волосы, сгребает пучок в ладонь и больно тянет. – Такая малышка сладкая...

В советах по самообороне обычно пишут: двиньте коленом по яйцам, ткните ключами в глаза, а потом бегите. Я заучила это все наизусть. Но туша этого парня так сильно прижимает меня к стене, что я еле дышу и при всем желании не смогу сдвинуть колено даже на пару сантиметров. Ключей с собой нет, а на мои руки, которыми я пытаюсь его оттолкнуть, он даже внимания не обращает, это ему как слону дробина.

Такого не может быть, чтобы это сейчас со мной происходило!

Почему я? Я же некрасивая, я одета бедно и немодно, почему он прицепился ко мне?!

– Помогите! – из последних сил кричу я, когда он дергает полы моего пиджака, и верхняя пуговица отлетает куда-то в сторону, угрожая раскрыть обтянутую тонкой водолазкой грудь. – Помогите! Пожалуйста!

Кто-то вихрем налетает сбоку. Мелькает кулак. На щеке горячие брызги. Тяжесть отпускает. Можно вздохнуть. Я делаю несколько судорожных вдохов и вдруг понимаю, что мой обидчик уже лежит на полу, а на нем сидит Громов, зло и методично избивающий его в кровь.

– Зак! – хриплю я.

Он тут же оставляет уже неподвижное тело, плюет на него сверху, а потом подходит ко мне и хватает меня за плечи.

– Ты ебанутая? – рычит он. И куда только подевалась вся его насмешливость и легкость. – Я что сказал, блядь? Сказал ни шагу. Куда ты поперлась?

– Я в туалет хотела, – тоненько отвечаю я, а потом вдруг утыкаюсь ему в грудь и дышу, успокаиваясь от его тепла и запаха. Так, как будто это нормально и как будто я уже сто раз так делала.

Зак молчит. Позволяет.

Слезы, вскипевшие на моих ресницах, не проливаются дождем, и я вдруг с облегчением понимаю, что ничего страш-

ного не случилось. Могло – но не случилось.

Это же хорошо, да?

Он берет меня за руку, накидывает на меня свой бомбер и выводит на улицу, подальше от этого шума и ужаса. Там свежо, прохладно и приятно. И все произошедшее в клубе мне вдруг кажется плохим сном.

Глава 7. Когда мне ломают шаблон

Зак

Меня все еще трясет от ярости. То ли на этого обдолбаного утырка, то ли на эту идиотку, которая так стеснялась при мне сбегать в сортир, что в итоге тайком от меня потащилась на второй этаж. На второй, блядь! Туда даже наши девки только в сопровождении ходят, там после девяти все под веществами и адекватных никого, кроме бармена с диджеем. И те не всегда.

Смотрю на эту испуганную куклу, кутающуюся в мой бомбер, и злость немного отпускает. Вроде целая, и даже в истерику не ударилась. Крепкая девчонка, хотя так по ней и не скажешь. С виду типичная заучка – бледная как поганка и скучная как лекция по экономтеории. Но это только с виду.

Она поднимает голову, смотрит на меня и робко говорит:

– Плохой из меня телохранитель, да?

– Что есть то есть, – с усмешкой отвечаю ей.

Раз она шутить пытается, значит, точно в порядке. Я вспоминаю наш с ней пранк, и настроение слегка поднимается. Кто бы мог подумать, что эта скромница так дерзко и уверенно впишется в мою историю и станет заливать Боре про то, какое у нее оружие спрятано под этим жутким пиджаком.

– Ты круто подыгрываешь, – озвучиваю я свои мысли и тут же с любопытством спрашиваю о том, что меня реально

удивило: – А откуда такие познания в марках пистолетов?

– Да так, – неопределенно отвечает она, чуть смутившись, и осторожно улыбается.

Сейчас, когда ее всегда зализанные волосы неаккуратно взъерошены и несколько светлых прядей падает на лицо, она выглядит вовсе не нудной отличницей, а вполне симпатичной девчонкой. Вообще странно, что к ней еще никто яйца не подкатывал – личико у нее в норме. Особенно глазищи эти серые. Прикольные. Светлые-светлые, почти прозрачные, а вокруг темная обводка. И губки милые. Розовые, без следа помады и всяких липких блесков, которые меня жутко бесят: после поцелуев полное ощущение, что какого-то дерьма наелся со вкусом вишни или малины.

Я еще раз смотрю на нее, будто заново оценивая. Нет, она и правда ничего. И пахнет от нее хорошо – не душными духами, а чем-то очень свежим и приятным. Глаза опять же эти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.